

СЛОЖНЫЙ ШОЛОХОВ

Захар Прилепин. Незаконный. М.: Молодая гвардия, 2023. — 1088 с.

НЕ УСТАНУ повторять: Захар Прилепин сейчас делает огромную работу для нашей культуры. Он выводит очень много охаянное или забытое в истории нашей литературы в поле интерпретации. Он борется с бесами дурной конспирологии. Он актуализирует, упаковывает для сегодняшнего дня забытых авторов. Всё это очень важно.

Наша литература о литературе, наша металитература крайне немногословна. Как это ни странно. Она оживает только в случаях лихой иномирной провокации. Оживает и реагирует. Не будь таких провокаций, наша литература о литературе ограничивалась бы только скудными и нелюбопытными академическими штудиями для нескольких десятков профессиональных читателей.

Нам необходима, если угодно, игра в историю нашей литературы. Нам нужны интерпретации, актуализации её по поводу и без повода. Тем более что есть во что играть. Материал богатейший, гениев неисчислимо множество. Наша литература даже несколько перенаселена. Она требует постоянного аудита, постоянной переписи. Эти драгоценные камни так и хочется постоянно перебирать, выносить их на свет. Любоваться ими. Очень мало в мире литератур, в которых есть абсолютно всё, в которых можно жить безвременно без потери в поддержании уровня человечности, культурности, цивилизованности да же.

Но, имея такие запасы, мы не должны лениться. И Прилепин за многих не только умудряется писать на оригинальные темы,

но и регулярно выдаёт шедевры металитературы. Их уже набирается на целое собрание сочинений. Это книги о Леонове и Есенине, Мариенгофе, Корнилове и Луговском. Это роскошный и вдохновенный "Взвод", у которого, к счастью, будет продолжение. Теперь же ещё и мощный и ценный том о Шолохове.

Как и в книге о Есенине, здесь Прилепин опять на тысяче страниц бесспорно и триумфально демонстрирует абсурдность и просто невозможность малейших сомнений в авторстве "Тихого Дона". Он выносит к чёртовой матери все эти потуги найти другого автора великой книги. Теперь просто глупо петь эту песенку подпольцев и негодяев.

У нас как-то принято считать, что писатели должны питаться святым духом. Им вообще грешно быть успешными и состоятельными. Откуда это пришло, непонятно. Но инфантилизм подобного убеждения уже даже не кажется смешным. Прилепин же не чурается экономики и даже политэкономии шолоховского творчества. И это очень хорошо, даже свежо и полезно.

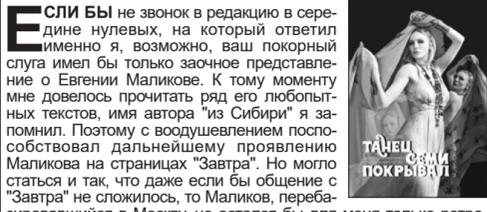
Когда погружаешься в эти рациональные материи, как-то меньше хочется разводить словеса о признанности и непризнанности, опальности или обласканности, контруктуальности или мейнстримности. То же касается и социологии творчества. И здесь Прилепин демонстрирует то, как работала советская писательская иерархия, и это очень интересно. Шолохов показан в социуме, в большом социальном контексте, в социальном и институциональном даже пейзаже.

У нас как-то немного говорят о международной славе Шолохова. Ещё до Нобелевской премии. Кстати, и в эмигрантских кругах тоже. Но далеко не только. И насколько же провинциальными и мелкими оказываются все наши абorigine-западнические критики великого писателя. Меленькими и мелочными, но, надо это признать, неутомимыми.

Евгений ФАТЕЕВ

«...ТОЛЬКО ЛИЧНОЕ!»

Маликов Е.В. Танец семи покрывал: две маленькие книжки о большом искусстве. М.: Канон + РООИ "Реабилитация", 2022. — 296 с.: ил.

ЕСЛИ БЫ не звонок в редакцию в середине нулевых, на который ответил именно я, возможно, ваш покорный слуга имел бы только заочное представление о Евгении Маликове. К тому моменту мне довелось прочитать ряд его любовных текстов, имя автора "из Сибири" я запомнил. Поэтому с воодушевлением поспособствовал дальнейшему проявлению Маликова на страницах "Завтра". Но могло стать и так, что даже если бы общение с "Завтра" не сложилось, то Маликов, перебравшийся в Москву, не остался бы для меня только ретроспективным чтением. И если моя невключённость в музыкальный театр оставляла мало шансов на непосредственное общение, то в средах современного искусства, на выставках и книжных презентациях, мы неизбежно оказывались на одной территории. А не заметить Евгения там было сложно: например, он мог прийти на декоративную презентацию и превратить её в яростно-духотворное. (К слову, спорить с ним довольно сложно — естественнонаучное образование даёт ему умение чётко выражать свои мысли и безапелляционно подавлять оппонентов знаниями и логикой.) Искренний интерес, здоровые амбиции, небанальные представления, яркое письмо быстро превратили Маликова в видную фигуру культурно-медийного поля.

Балетный критик, ценящий женскую красоту, консерватор, чьи статьи о современном искусстве достойны учебника, евразиец без азиатства. Неудивительно, что его одновременно издают академический "Канон" и инверсионно-культурологический "Опустошитель". И "Танец семи покрывал" одновременно работает на несколько жанров: автобиография, хроника театральной жизни, прикладная культурология. Есть книги, которые никак не связаны с характером и жизнью автора. "Танец семи покрывал" — абсолютно иная история, это полноценный портрет Евгения Маликова.

Итак, в настоящей книге "осмысливается опыт балетного и оперного критика на примере фигуры нарушителя конвенций, каковым оказывается автор. Описывая проведение длительного социологического эксперимента, дилетантского по методике, но профессионального по провокативности, автору удаётся рассмотреть то, что обычно ускользает от взгляда ангажированного рецензента. Объектом рассмотре-

ния становится бытие критика как отдельная линия в картине "медианого пространства", а предметом — вопрос о том, кем и как формируется властный дискурс на театре. Для широкого круга специалистов в области профессионального дилетантизма, культурологии и театроведения".

Дипломированный физик Маликов настаивает на том, что фигура наблюдателя предельно важна. Здесь мы видим его взгляд — вдохновенный, раздражённый, возмущённый, влюблённый. "Я больше всего в жизни боюсь показаться объективным. Никакого бизнеса — только личное!" Тем не менее он умудряется пройти между Сциллового и Прокуронова и Харидбо зрительской ажиотации. Или же иначе — Маликов принципиально холоден или же горяч, но только не тёпл, куда зачастую сваливается потребительский подход.

Если балет, то это не только Большой театр, но и МАМТ, и "Балет Москва" и всевозможные региональные площадки. Если опера, то и "Золотой петушок", и панк-опера "Медея". Выбирать интересное и важное (вне зависимости от реакции) Маликов умеет. Сегодня сложно избежать широкого спектра интересов, противоречивых влияний, но кое-кому удаётся выстроить всё это в стройную иерархию. Маликов — из их числа.

Маликов всегда предсказуемо-непредсказуем. Он может найти ценность в локальном проекте и устроить порку звёздам. А его размеры "режиссёрских опер" я особо ценю, ибо Маликов не атакует спектакли с дальней дистанции, но уверенно заходит на территорию "противника", его критика имманентна и поэтому куда более убийственна. Он может быть авангарднее самого радикального экспериментатора и требовать предельного классицизма. Но апеллируя к традиции, Евгений не замыкает историю в последние два-три столетия, чем постоянно грешат ревиденты таких слов, как "классика" и "духовность".

Он верит в божественное происхождение искусства, поэтому воспринимает всё предельно серьёзно. Но именно поэтому может позволить себе обронить: "Я хочу получать удовольствие от музыки, а мне подсовывают неумные шарлады". Спектакль для него событие, а не препарируемые факты. Пожалуй, и слово "критик" в его случае — не самое правильное определение, ибо Маликову куда ближе диалектика, нежели критика, а по большому счёту он вообще склонен к сильно "докритическим" временам.

Главное, что читать настоящую книгу очень нескучно. И тем, кто хорошо знаком с творчеством Евгения Маликова, и тем, кто открывает для себя это имя, включая аудиторию, далёкую от музыкальных искусств. Добро пожаловать в "Танец семи покрывал"!

Даниил ТОРОПОВ

Малинецкий Г.Г. Системы управления наукой, образованием, конфликтами. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. — 80 с.

СЕГОДНЯ для нас уже не фантастика — возможность в онлайн-режиме, то есть в режиме реального времени, подключиться к наблюдению за событиями на линии боевого столкновения в зоне СВО или в течение буквально нескольких минут получить рисунок, созданный "искусственным интеллектом", то есть компьютерными программами, по вашему словесному описанию. Всё это воспринимается большинством наших современников всего лишь как часть "новой реальности" XXI века. На-

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

столько же очевидная и даже обыденная, какими стали трансатлантические мореплавания после Христофора Колумба или космические полёты после Юрия Гагарина. Но те, кто, собственно, занимается созданием и совершенствованием "суммы технологий" как инфраструктуры, необходимой для таких прорывов в "новую реальность" и для обратной связи с ней, видят здесь не только "окна возможностей" вместе с "окнами угрозы" и даже не только "фаэд проблем", но прежде всего конструкцию и функционал всей системы в её общности, единстве и цельности (кстати, весьма изменчивых).

Среди многочисленных титулов автора этой книги присутствует и такой: действительный член Академии военных наук. Нет, Генри Малинецкий не рассчитывает траектории ракет и не создаёт какие-то сверхсекретные компьютерные программы, но он занимается проблемами межсистемного (я бы даже осмелился сказать — межгелиосферного) взаимодействия и синергетики, частным случаем которых высту-

пает конфликтология, в том числе, разумеется, конфликтология военная, что приобретает особую актуальность на фоне событий, связанных с проведением Специальной военной операции на Украине. Как известно, на Западе их трактуют как противостояние "альянса демократий незаконной и неспровоцированной агрессии автократической России" ради защиты "выбравших свободу героических украинцев" и всего "мирового порядка, основанного на правилах". У нас же — как часть той гибридной войны, которую Запад ведёт против России и русских как её государственнообразующего народа.

Казалось бы, при чём здесь наука синергетика? А вот при чём, например. "В виде "игроков" на исторической сцене сегодня видятся не государство, а более крупные образования — цивилизации", — отмечает Георгий Малинецкий, тем самым ставя под вопрос весьма ныне популярный тезис о том,

по "альянсу демократий" — с другой. Эти цифры рисуют почти 20-кратное превосходство последних, чего на деле не оказалось и в помине, то есть цивилизация коллективного Запада здесь попала в плен собственных иллюзий, основанных на ценностях, а в роли этих иллюзий здесь выступил трижды фиктивный, но такой удобный и привычный показатель ВВП, измеряемый — не смеётся! — в американских долларах, которые давно "печатаются из воздуха". Или, сюда же, тезис о том, что у России нет ряда жизненно важных отраслей промышленности, следовательно, она должна критически зависеть от их импорта и, соответственно, от валютных доходов за экспорт своего сырья. И что, 10 тысяч "санкций из ада" привели к обещанному краху российской экономики?

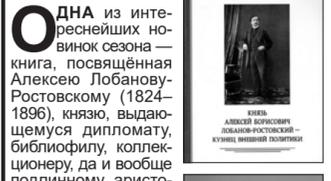
Это не проблема "плохой разведки" или "плохой политики" коллективного Запада — это проблема "плохих цен-

ностей и целей", не позволяющих правильно определить (аппроксимировать) важнейшие системные параметры конфликта. Но это — лишь один из самых общих моментов, затронутых Георгием Малинецким в данной работе, достояние компактной по объёму. А есть ещё десятки других, не менее важных и интересных. Например, почему необходимо возвращение российских военных академий в Москву и Ленинград, чем в современных условиях наполняются классические стратегемы конфликта из "Искусства войны" Сунь-Цзы, как можно и нужно управлять процессами дополнения и трансформации виртуальной реальности реальности обычной и так далее. Представляется, что было бы оправданным переиздание расширенного и дополненного автором варианта этой работы уже для массового российского читателя — в жанре, приближённом к "Занимательной физике" и "Занимательной математике" Я.И. Перельмана.

Александр МАСЛОВ

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский — кузнец внешней политики: дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер / Сост. Е.С. Фёдорова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 680 с.

Юрикович: жите-бытие многогрешного князя Никиты / Сост. Н.Д. Лобанов-Ростовский, Е.С. Фёдорова. София: Издательство Захарий Станов, 2022. — 628 с.

ОДНА из интереснейших новинок сезона — книга, посвящённая Алексею Лобанову-Ростовскому (1824–1896), князю, выдающемуся дипломату, библиофилу, коллекционеру, да и вообще подлинному аристократу, сочетавшему в себе азарт, любовь к дамскому полу, страсть к красивым вещам с горячим патриотизмом и беспримерной храбростью. Составители фоллианта — Екатерина Фёдорова и, собственно, князь Никита Лобанов-Ростовский, потомок сего знатного рода, — продолжили значительный труд, явив нам личность разностороннюю и живую, свидетеля и творца эпох.

Здесь документы и отрывки из мемуаров, дневниковые заметки, выписки и ссылки на источники. Везде мы видим одно и то же: сильный волей, умный, понимающий и вместе с тем не лишённый авантюризма человек, он оказался рождён для тонкого искусства дипломатии. Рассказ начинается с тщательно прописанной генеалогии Лобанов-Ростовских: служение Отечеству было для них столь естественным, как само дыхание.

"Он гордился быть русским, и это чувство нисколько не ослабло в нём потом: ни под влиянием широкой европейской образованности, ни от долговременного пребывания в чужих краях", — утверждал Владимир Теплов, дипломат и публицист, генеральный консул России в Нью-Йорке и заместитель директора Телеграфного агентства. Читателя ждёт очень много нового, точнее, забытых имен. Активно цитируются брошюры, не переиздававшиеся с XIX века, и возникает полноценная картина истории.

Какая служба протекает без интриг и неприятней? Друзья и добродетели рисуют образ возвышенный, а враги добавляют цепотку пера. Нам важны все мнения. Князь Алексей Борисович тем не менее был большим поклонником прекрасного пола. Как в первый свой приезд в Константинополь, так и во второй, предметы любви он выбирал среди femme de Balzac. Героинею первого романа была жена секретаря французского миссии... — посмеивался дипломатомонархист Юрий Карцов, противник, недруг, злословитель. Он же, услышав, что князя именуют звездой первой величины (étoile de première grandeur), добавил, что всё сходство Лобанова с étoile в том, что светит, но не греет.

Фигура Лобанова-Ростовского хорошо известна в Болгарии, поэтому в сборник включены статьи болгарских авторов, например, "Освобождение" Любомира Левчева и "Восточный вопрос" Румена Петкова. И если Петков даёт суховатую политическую оценку, то Левчев пишет развёрнутое повествование о русско-болгарских связях, выдаёт нам прототип тургеневского Инсарова, благодарит Александра II за освобождение страны и доказывает, почему без деятельной помощи Петербурга всё было бы тщетно.

Балканский вопрос был одним из болезненных, запутанных в 1870–е–1880-е годы, и каждая из крупных держав считала своим долгом поучаствовать в его обсуждении. На излёте "века девятнадцатого, железного" Россию воспринимали как мощного игрока, держащего почти все козыри. Русский царь мог диктовать Европе свои условия. Константинопольский мирный договор 1879 года, подписанный Лобановым-Ростовским со стороны России, был огромной дипломатической победой и гарантией спокойствия в регионе.

Обо всём этом и многом другом, допустим, о работе Лобанова-Ростовского в Комиссии "по делам о расколе" — можно узнать из предложенной книги. Среди плюсов этого издания — грамотное размещение материалов на странице, что делает книгу читабельной.

РДО-3 (Третий Русский Добровольческий Отряд) во время Боснийской войны. Март 1994 года

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Борис Земцов. За русское дело на сербских фронтах. — М.: Книжный мир, 2022. — 272 с.

СКОРО год, как началась российская Специальная военная операция на Украине, а мировые массмедиа сообщают, что официальный Белград в лице президента Александра Вучича "со слезами на глазах", но готов принять "план ЕС" по Косово и подключиться к антироссийским санкциям из-за угроз Вашингтона и Брюсселя окончательно "порвать в клочья" Сербия и сербский народ. Казалось бы, сегодня события 1990-х годов, "дела давно минувших дней", когда сербы пытались отстоять свои права с оружием в руках, а не повыводить "продать их за чечевичную похлёбку" альянса демократий", можно уже забыть и лучше не вспоминать, относим их к разряду "ошибок прошлого".

Нет, такое забвение, по сути, равносильно предательству по отношению к самим себе. "Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто старое забудет — тому оба глаза вон!" "То, что творится на Украине и в Новороссии, что происходит в недрах российского общества и в сознании наших соотечественников, очень созвучно проблемам, поднятым в балканской эпопее Б.Ю. Земцова", — отмечает в своём "Слове издателя" Дмитрий Лобанов. "Борис Земцов и его фронто-

вые товарищи преобразовали Русскую геополитику в боевые действия на Балканском рубеже. Вот это и есть личная, персональная геополитика", — пишет в предисловии к этой книге полковник Владимир Квачков. Так оно и есть, поскольку "большая", в масштабе стран и континентов, геополитика всегда складывается из миллионов геополитик "маленьких", личных, связанных с выбором каждого человека. Чаще всего этот выбор остаётся безвестным, но не бесследным. Каждый народ, каждое государство складывается из бесчисленных песчинок жизни тех людей, которые его создавали и отстаивали. Поэтому отречься от своей родины, от своего народа — значит отречься от своих предков, от самого себя.

В книге Бориса Земцова две основные части: "Боснийская тетрадь" повествует о событиях весны 1993 года, "Недобрая сербская весна — 1999" — о том, что происходило через шесть лет уже в самой Сербии, подвергшейся тогда "гуманитарным бомбардировкам" вооружённых сил НАТО в рамках операции "Союзная сила" (американцы называют её "Благородная наковальня"). На всё, что происходило тогда на сербской земле, я смотрел глазами патриота-державника, совсем недавно воевавшего здесь, помогавшего братьям-сербам отстаивать право иметь свою веру, свою культуру, свою территорию", — пишет автор, глядя в годы своей молодости умудрёнными глазами человека, прошедшего после тех испытаний ещё и долгий последующий путь — других поражений и других побед.

И опыты поражений не менее важны, чем опыты побед, особенно если из них

Это параллельные вселенные, сочетаемые в одном персонаже. "Он — неравнодушный участник событий бытия, поэтому и сам интересен многим людям. Познания Лобанова-Ростовского в области искусства глубоки и содержат редкие, до сих пор мало кому известные сведения", — констатирует профессор МГУ Екатерина Фёдорова, одна из составительниц сборника.

В книге так много рисунков Бакта, Серебряковой, Гончаровой, Бенуа, что это кажется... альбомом по искусству эпохи ар-нуво. Князь объясняет свою страсть к "театрально-балетной" тематике: она динамична, как динамичен он сам. Его отношение к людям не зависит от их происхождения.

Отсутствие личностной дистанции и ровное общение с лондонскими таксистами, коих упоминает князь, вовсе не означает слияние с "массовым человеком". Это изначное и необидно очерченное. Дается через постижение искусств, смыслов и, как ни странно, одежды. "Элегантный мужчина не должен быть замечен. Только те, которые причастны хорошему вкусу, видят джентльмена", — признаётся Лобанов-Ростовский. "Мода не влияет на

одежду аристократов", — подытоживает князь, и они (господа) придерживаются форм, затверженных ещё в XIX столетии. Князь выдаёт и дефиницию аристократа: "Ровное отношение ко всем вокруг плюс выраженное эстетическое начало". Шугит насчёт того, что его часто зовут на мероприятия в качестве "свадебного генерала". Он способен рассуждать обо всём: о Востоке — шахском Иране и афганских событиях, о Западе — Лондоне и Софии, живописи, финансах, людях. Говорит, что "наука доставляет большее удовольствие, чем деньги", хотя с приятностью вспоминает о своём банковском успехе. Но что это рядом с геологией?

С теплотой — о Сергее Дягилеве, сделавшем всё русское прорывным и актуальным в XX столетии: "Русская музыка и искусство были практически неизвестны западному миру. Только после первых дягилевских сезонов западная публика познакомилась с русской музыкальной и балетной классикой". Очень важная фраза: "Россия следует сосредоточиться на самой себе", то есть не быть ни Европой, ни тем более Востоком, развиваться, не глядя на оценки и не пытаясь подражать. Объясняет, почему русских не любят в той же Англии: "За последние 20 лет отношение сильно ухудшилось. Негатив возникает потому, что "новые русские" приехали с огромными краденными состояниями и начали скупать центр Лондона..." В общем, к русским стали относиться хуже из-за тех, кого и в России мало кто обожает, и это мягко сказано.

Особое место в сборнике отведено Памятнику примирения в Севастополе, одним из инициаторов которого явился Никита Дмитриевич. По этому поводу было сказано немало копий — до сих пор не окончен спор на тему правых и неправых в Гражданской войне. Лобанов-Ростовский, чей род пострадал от событий столетней давности, имеет право голоса в этой ситуации, и он за примирение сторон.

Галина ИВАНКИНА

извлекаются уроки, необходимые для побед в предстоящих, будущих битвах. У двух наших православных народов есть такой опыт: у русского — победный на Куликовом поле (8 сентября 1380 года), у сербского — трагический на Косовом поле (15 июня 1389 года). В физическом времени эти события разделены менее чем десятилетием, а в духовном — являются определяющими для дальнейшего исторического бытия и взаимодействия народов между собой. "Саввы страна — Сербия, а Россия — страна Сербия", — о Савве Сербском и Сергии Радонежском, великих святых двух наших славянских и православных народов, конечно, здесь речь. Не надо думать, что Сербия 1990-х — это какая-то другая страна в каком-то ином, уже ставшем невозвратно прошлым, время. Каждый отвечает за всё.

Сербия! Бисер твой
Кто выметал перед свиньями?
Кто святыни твои,
Кто святыхи
Отдал на растерзание псам?
Кто войну заменил на вой,
Так что слёзы и кровь невинные —

Те русские добровольцы (автор книги — в том числе), которые сражались за Сербия в 1990-е, — очередное свидетельство не только отменной ещё Достоевским "всмирной отзывчивости" нашего русского народа, но его отзывчивости на высшую идею каждого народа или, по определению Владимира Соловьёва, не на то, что народ думает о себе во времени, но на то, что Бог думает о нём в вечности... И у этой высшей идеи — всегда один язык, язык Истины. Счастливы тот, кто знает этот язык Истины, поскольку он оказывается способен говорить на нём с людьми всех времён и народов, понимать их, как они его. Говорит на этом языке Истина — и есть русская идея, русская мечта, русское дело. Не больше, но и не меньше того. "Когда хоронили на кладбище города Вышеграда Костю Богословского, героя битвы за высоту Заглавско, все мы, русские добровольцы, прекрасно понимали и отца Райко, служившего панхимидом, и сербских ополченцев, и представителей местной общины, выступавших на том скорбном мероприятии. Понимали без переводчиков и словарей".

Надо помнить, что война между истиной и ложью не прекращается. Она идёт везде и всегда. И между нами, и внутри нас. Книга Бориса Земцова — одно из свидетельств тому.

Георгий СУДОВЦЕВ